

По материалам статьи Йена Тейлора «В умах людей. Дарвин и новый мировой порядок»

Чарльз Дарвин и современный гуманизм

Дед Дарвина Эразм и отец Роберт состояли в масонской организации.

Сам Дарвин, отрицательно относясь к христианству, писал в своей автобиографии о «проклятой доктрине», которая обрекает всех неверующих на вечные муки, и противился тому, что «среди них должны были бы оказаться мой отец и брат и почти все мои самые лучшие друзья». В другом месте он сообщал о том, как утратил веру в Бога: «Неверие вползло в меня очень медленно, пока не стало полным. Оно приходило так медленно, что я даже не ощутил страдания, и с тех пор ни разу ни на секунду не сомневался в том, что мой вывод правилен». Он признавался: «Много лет назад один друг (это был Лайель) строго предупредил меня, чтобы я никогда не вносил в свои работы ничего связанного с религией, если хочу продвинуть науку в Англии». Этот принцип соблюдался даже после смерти Дарвина: упоминания о его атеизме были посмертно удалены из его автобиографии по настоянию его вдовы. И только после 1958 г., когда внучкой Дарвина был опубликован не подвергшийся «чистке» вариант автобиографии, стало очевидно, что при редактировании было убрано из текста около 6000 слов, которые могли бы повредить имени Дарвина.

«Если даже когда-нибудь будет доказано, что жизнь может зародиться в этом мире, – писал Дарвин, – жизненно важные явления при этом должны подчиняться некоторым общим законам природы. Вопрос о том, может ли существование так называемых законов природы доказать факт существования провидящего Бога, вызывает смятение; об этом я часто думал, но так и не смог увидеть ясного ответа».

В то время общая концепция вида основывалась на библейской неизменности видов. Дарвин был одержим идеей найти механизм, положивший начало эволюции, и подтвердить теорию доказательствами. «Я почти убежден, что виды не неизменны», – признавался он. К нему пришла мысль, что если в результате разумных действий селекционеров возникали новые формы в течение всего нескольких поколений, то такое возможно благодаря «пробам и ошибкам» и в природе, только за гораздо большее время. Этой мысли мешало религиозное мировоззрение, согласно которому вселенная возникла совсем недавно. Новая геология Лайеля широко

раздвинула временные рамки, что было жизненно важно для теории Дарвина, но в то же время исключало возможность лабораторного подтверждения.

Когда **Чарльз Лайель** (1797-1875), писавший свои труды спустя всего 30 лет после Вольтера, выразил сомнения по поводу рассказа книги Бытия о потопе, расширив временные представления, сам Дарвин комментировал эти факты: «Лайель твердо убежден, что он... поколебал веру в потоп... Прямые нападки на христианство дают лишь небольшой стойкий эффект; по-видимому, реальную пользу могут принести лишь медленные и бесшумные атаки с флангов». И эти атаки происходили одна за другой.

В 1830 –1833 гг. появился труд Чарльза Лайеля «Основы геологии», который с тех пор стал фундаментом современной геологической науки. Лайель допускал, что сначала отложился самый нижний слой осадочных пород, и поэтому первыми по времени были окаменевшие формы жизни, находившиеся в этих породах; обычно это были простые морские существа. Все вышележащие слои отложились позднее, и он решил, что формы жизни в этих слоях как бы образуют снизу доверху шкалу восходящей сложности. Однако, в «летописи» окаменелостей наблюдалось немало нарушений последовательности: сложные существа внезапно обнаруживались над или – что еще хуже – под слоями, содержащими окаменелости сравнительно простых существ. Не было встречено ни одного безупречного набора осадочных пород, который содержал бы последовательное расположение каждой формы окаменелостей. На бумаге Лайель создал воображаемую геологическую колонку, являющуюся и в наши дни жизненно важным инструментом в таких областях, как нефтеразведка. Практически восходящий порядок окаменелостей не существует. В природе он представлен крайне фрагментарно, и часто слои перепутаны или отсутствуют вообще. Однако самое главное было сделано: в науке стало утверждаться мнение об огромных сроках существования мира.

В 1871 г. Дарвин опубликовал книгу «Происхождение человека и половой отбор». Простейшим выводом из этой работы было утверждение, что «человек происходит от волосатого, хвостатого, четвероногого обитателя Старого Света... прародителя... обезьян Нового Света».

Но в опытах (Дарвин проводил эксперименты с голубями) идея о возможности превращения одного вида в другой, то есть о возможности разрушения библейских барьеров неизменности, не подтвердилась. Дарвин признавался своему другу Бентаму: «Убежденность в естественном отборе в

наше время должна фактически полностью основываться на общих соображениях... Если углубиться в детали, мы не можем доказать ни того, что один вид изменялся, ни того, что предполагаемые изменения благоприятны, а это – стержень теории. Мы также не можем объяснить, почему одни виды изменились, а другие – нет».

Дарвин надеялся найти подтверждение своей гипотезе в «летописи» окаменелостей. Однако ко времени опубликования первого издания «Происхождения видов» не было найдено *ни одной* окаменелости таких «отсутствующих звеньев», или переходных форм.

Отсутствие всяких подтверждений существования переходных форм среди живых и мертвых видов было одним из самых грозных аргументов против Дарвина и его последователей. Сторонники дарвиновской теории приступили к раскопкам. Но до сих пор, более чем за сто лет исследований, не найдено переходных существ, представленных в «летописи» окаменелостей. В каждом случае такие существа появляются в этой «летописи» внезапно и каждый раз – в их окончательном виде. Сам Дарвин писал: «Но почему же тогда каждая геологическая формация и каждый слой не наполнены такими промежуточными звеньями? Можно с уверенностью утверждать, что геология не раскрывает ни одной такой органической цепочки, и это, возможно, является наиболее очевидным и серьезнейшим возражением, которое может быть выдвинуто против моей теории».

Палеонтолог Киттс (1974 г.) делает следующее признание: «Несмотря на радужные надежды на то, что палеонтология даст средство «увидеть» эволюцию, она создала для эволюционистов некоторые неприятные затруднения, самым значительным из которых является наличие «пробелов» в «летописи» окаменелостей. Эволюция требует промежуточных форм между видами, а палеонтология их не выявляет».

В одном из выпусков «Бюллетеня музея Филда» (1979 г.) (этот музей располагает одной из крупнейших в мире коллекций окаменелостей) написано: «Прошло уже около 120 лет после Дарвина, и знания «летописи» окаменелостей значительно расширились. В настоящее время мы располагаем четвертью миллиона ископаемых видов, но ситуация изменилась не намного. летопись эволюции по-прежнему страдает удивительными пробелами, и, как ни странно, мы располагаем даже меньшим числом примеров эволюционных переходов, чем их было во времена Дарвина».

Тем не менее, гипотеза казалась поверхностно убедительной для тех, кто искал альтернативы традиционному сверхъестественному объяснению.

Именно этот вариант теории, со всеми его недостатками и допущениями, бросил вызов геологической догме во второй половине XIX века.

Однако уже к 1900-му году дарвиновская теория естественного отбора была признана несовершенной главным образом потому, что не было абсолютно никаких свидетельств, что один вид мог становиться другим вследствие накопления мельчайших изменений. Время от времени эксперименты по скрещиванию показывали, что постоянно преодолевать видовые барьеры невозможно, а мысль о бессчетных миллионах лет просто-напросто исключала возможность проверки. Стало очевидно, что еще труднее объяснить дарвиновскую эволюцию с позиций менделевской генетики.

К 30-м годам XX века классическая дарвиновская теория стала вытесняться неodarвинистской теорией, или синтетической эволюцией, согласно которой решающую роль играют благоприятные мутации в генах. Эта теория предполагает, что редко появляется мутация, в результате которой особь случайно оказывается более приспособленной к окружающей среде. Будучи редким, такой мутант находит идентичного себе партнера для размножения. Поскольку они несколько лучше приспособлены к окружающей среде, предполагается, что они способны давать более многочисленное потомство, чем нормальные варианты. Этот случайный процесс повторяется в бесчисленных поколениях, малые мутационные изменения накапливаются и в результате приводят к тому, что представляется совершенно новым видом.

Лауреат нобелевской премии Сцент-Гиорги (1977 г.) признает, что второй закон термодинамики представляет собой большое препятствие для синтетической эволюции.

Поскольку одним из слабых мест неodarвинизма является также отсутствие переходных форм, то Ричард Голдшмидт (1940 г.) из Калифорнийского университета предложил свою теорию. Эта теория утверждает, что эволюция происходила за счет мутационных скачков, но внезапных и крупных, а не за счет накопления малых изменений. Идея Голдшмидта более известна под названием «теория подающего надежды уroda»: например, пресмыкающееся откладывало яйцо, а из него вылуплялось какое-то «коричневое, обросшее шерстью существо». Случайность должна была заставить «коричневое в шерсти существо» найти партнера, точно подобного себе, и эту пару – почувствовать себя превосходно приспособившейся к новой среде. Эта теория явно выходила за рамки существовавших представлений о научной достоверности и была

разумно отвергнута. В 1972 году она была воскрешена с названием «теория прерывистых равновесий».

Один из известных палеонтологов Гулд (майский выпуск журнала «Нэчрал Хистори, 1977 г.) набрался решимости заявить, что хотя в каждом учебнике и фигурируют эволюционные древа, но «фирменный секрет палеонтологии» состоит в том, что эти древа построены с помощью умозаключений, а не свидетельств в виде окаменелостей. Гулд говорит, что палеонтологи заплатили огромную цену за дарвиновскую теорию естественного отбора, и добавляет: «Мы никогда не видим тех процессов, изучению которых себя посвящаем».

* * *

Итак, большинство «ветвей» и «веточек» эволюционного дерева отсутствует. Еще большее значение имеют два крупных пробела. Первый – это корень дерева, то есть вопрос о происхождении жизни; второй – вершина дерева, то есть доказательства перехода от обезьяны к человеку. Для решения этой проблемы на помощь Дарвину выступил другой английский естествоиспытатель Эрнст Геккель.

Эрнст Геккель (1834–1919), по собственному признанию, начал как христианин, но когда стал практиковать как врач и проникать в тайны жизни и ее эволюции, то пережил отчаянный духовный конфликт и превратился в вольнодумца и пантеиста. Он создал концепцию «генеалогического древа» или филогенетических связей между всеми живыми существами. Для Геккеля его упорядоченная система стала самоцелью, а не просто средством объяснения предполагаемой системы соотношений. Он не останавливался и перед обманом, если факты, наблюдавшиеся в природе, не соответствовали его теориям.

Чтобы избавиться от пробела в основании филогенетического древа, Геккель придумал ряд мельчайших организмов, которых он назвал Monera (эти элементарные частицы жизни полностью отсутствуют в природе). Это было в 1868 году. Чуть позже в пробах ила, извлеченных из глубин Северной Атлантики, были найдены подобные микроскопические объекты. *Томас Гексли*, изучавший эти организмы, решил, что это и есть Monera Геккеля. Слава Геккеля распространялась. Найденное, наконец, первое звено генеалогического древа, было остро необходимо для подкрепления теории Дарвина. Гексли доверительно говорил, что эта жизнь в процессе возникновения «вероятно, образует непрерывную пену из живой материи на морском дне, опоясывающую всю поверхность Земли». Но химики вскоре

заявили, что то, что считали протоплазмой найденных Monera, было не чем иным, как аморфным осадком сульфатов извести, который образуется при смешивании морской воды со спиртом!

Шел 1875 год, и должен был наступить полный крах гипотезы Monera, но было важно, чтобы наука, а в особенности те, кто развивал теорию эволюции, не потеряли общественного доверия в результате этого фиаско. Ученые стойко защищали свой авторитет, и публично это открытие не комментировалось. Во всех европейских журналах того времени была найдена лишь одна статья, в которой подвергается критике то, как была введена в заблуждение общественность по поводу Monera.

Сегодня можно лишь удивляться тому, как удалось осуществить такое крупное сокрытие истины. Но это нетрудно понять, если знать о несколько конспираторском духе британских естественных наук XIX века, во главе которых стоял Т. Гексли. Гексли и его ученики буквально «правили» британской наукой с 1864 по 1884 год, и при их совместном влиянии на научную прессу не удивительно, что сделанное опровержение существования Monera так никогда и не получило огласки.

Возможно, еще хуже было то, что в течение еще пятидесяти лет людям продолжали морочить голову, так как многократно переиздавалась широко распространившаяся и пользовавшаяся всеобщей популярностью «История сотворения» Геккеля.

Но Геккель был нужен даже после своего провала. Он указал на реальную потребность в доказательстве самопроизвольного зарождения жизни, заявив: «Эта гипотеза необходима для последовательного завершения истории сотворения без чудес», и сегодня это верно так же, как и в конце XIX века.

Ощутимое интеллектуальное удовлетворение давал перенос этого события в космос. В 1877 году Персиваль Лоуэлл увидел «каналы» на Марсе. В обывательском представлении это означало признак разумной жизни. В течение шестидесяти лет после Лоуэлла практически никому не удавалось опровергнуть идею существования жизни на Марсе. Если бы эта идея была верна, то теория эволюции получила бы большую поддержку: жизнь эволюционировала сначала на удаленной планете, а затем была занесена на землю.

В 1976 году совершили посадку на Марсе межпланетные корабли «Викинг» с оборудованием для проведения трех экспериментов-тестов на наличие жизни. Уже за четыре года до этого, когда они осуществили

разведку планеты, было очевидно, что на ней нет ни каналов, ни малейших признаков разумной жизни, и теория Лоуэлла быстро угасла. Эксперименты по выявлению жизни были также безрезультатны, и в итоге неохотно признали, что Марс пуст и полностью лишен органической жизни.

Идея о том, что жизнь могла быть занесена на Землю метеоритом, отпадает из-за неизбежности радиационных повреждений во время продолжительного космического путешествия. А когда была открыта сложная двуспиральная структура молекулы ДНК – «программы» жизни, содержащейся в каждой клетке, – ученые пришли к выводу, что первая самовоспроизводящаяся клетка не могла появиться самопроизвольно и случайно – это было невозможно статистически.

Сложилась некая тупиковая ситуация, потому что, хотя идея о происхождении жизни из внешнего пространства и могла кого-то удовлетворить, она фактически переносила проблему, а не решала ее. Было почти наложено табу на рассуждения о самопроизвольном зарождении жизни на Земле, а в философском плане возникало предчувствие того, что если жизнь возникла не самопроизвольно, то она должна была быть сотворена целенаправленно. Третьего варианта не было.

Делались смелые попытки решения этой дилеммы, например, посредством исследования воздействия радиоактивности радия на смеси неорганических соединений и т. п., но все они были тщетными. Даже мельчайшие известные к тому времени частицы жизни, вирусы, не удавалось получить в лабораториях из неживых молекул.

Однако «научная» мысль не остановилась и теперь. Было придумано оправдание неудачных опытов по получению живой материи из неживой и высказано следующее предположение: в наши дни самопроизвольного зарождения жизни не происходит, но оно происходило в прошлом – как полагают, в совершенно иных условиях. А. И. Опарин заявил, что жизнь, однажды начавшись в таких иных условиях, затем изменила всю экосферу так, что самопроизвольное зарождение уже никогда не могло произойти снова.

Оставалась еще надежда на кометы. Жестокая реальность математической вероятности перечеркивает даже эту слабую надежду, так как решающего значения в происхождении жизни межгалактический носитель иметь не мог. Двое ведущих английских ученых, Хойл и Викрамасинге, работавших независимо друг от друга, пришли к выводу, что вероятность самопроизвольного появления жизни из нежизни где бы то ни

было во вселенной практически равна нулю. Эти авторы, соответственно агностик и буддист, пришли к заключению, что для возникновения жизни требовалось существование Бога – ее Создателя. Лондонская «Дейли Экспресс» (14.08.1981) вынесла в заголовок их вывод: «Двое скептически настроенных ученых объединили свои мысленные усилия и пришли к поразительному заключению: должен быть Бог». Для убежденного гуманиста этот ответ на загадку жизни был совершенно неприемлем.

* * *

История попыток научно обосновать эволюционистский взгляд на происхождение и развитие человеческого рода – этой второй важнейшей проблемы дарвинизма – окутана каким-то криминальным мраком. Почти все научные сенсации первой половины XX в. и скандалы и разочарования его второй половины связаны с поисками переходного звена от обезьяны к человеку.

В 1908 году во Франции был обнаружен скелет человека, которого назвали неандертальцем. Его изображения и макеты кочевали из книги в книгу и из музея в музей. Только через пятьдесят лет его кости вновь были изучены, и стало ясно, что это был подлинный человек, ничего общего не имеющий с полуобезьянами.

Следующее «недостающее звено» под названием «яванский человек» является специфическим продуктом воображения ученого Эжена Дюбуа: классический случай поиска свидетельства в поддержку предвзятой идеи. Однажды найдя такое свидетельство, весьма сомнительное, он посвятил остаток жизни служению своего заблуждения.

В 1921 году шахтерами Замбии были случайно обнаружены череп и фрагменты таза «родезийского человека», который впоследствии также оказался *Homo sapiens*.

В 1922 году в штате Небраска (США) был найден коренной зуб. Американские ученые решили, что он принадлежит к раннему типу пятикантропа и назвали *Hesperopithecus*. В 1928 году было установлено, что зуб принадлежит вымершему пекари или же свинье. Эта неприятность напомнила о себе в 1972 году с открытием в Парагвае живых стад того же вида пекари.

Запутанная история с пекинским человеком скорее похожа на преступление перед истиной, чем на научное исследование.

В качестве примера безнравственного поведения ученых-эволюционалистов можно привести скандал с т.н. «пилтдаунским человеком».

В 1908 году, в тихом уголке Великобритании, неподалеку от поселка Пилтдаун, Чарльз Доусон, местный нотариус, увлекавшийся краеведением, обнаружил несколько фрагментов черепа. Доусон показал трофеи своим друзьям, увлекавшимся антропологией: сэру Артуру Смиту Вудворду – хранителю геологического отдела Британского Музея и Пьеру Тейяру де Шардену – католическому монаху, страстному любителю всяческих естественных наук и антропологии, с 1908 года изучавшему богословие в расположенном неподалеку в Гастингсе Иезуитском колледже и в 1911 принявшему там же сан священника.

В декабре состоялось заседание Геологического общества, подводившее итоги сезона. Находки Доусона и его компании были признаны интересными, но недостаточными для каких-либо далеко идущих выводов. Череп был явно человеческим, а челюсть – явно обезьяньей. Главный признак, по которому можно было определить, какому существу принадлежит эта челюсть, – клык – отсутствовал. Впрочем, у сэра Вудворда не вызывало сомнений, что клык будет найден. Приняв во внимание это заверение, еще не совершенному открытию было присвоено научное имя *Eoanthropus dawsoni*, т. е. Эоантроп Доусона – в честь его первооткрывателя.

30 августа 1913 года, на следующий же день после того, как по приезду де Шардена все трое исследователей снова собрались вместе, недостающий клык был обнаружен и имел именно такую форму, какая была нужна, чтобы убедить скептиков! На этот раз итоговое заседание Геологического общества закончилось триумфом: всему миру было объявлено об открытии Пилтдаунского человека – Эоантропа Доусона. Бренные останки дорогого пращура были убраны глубоко в закрома Британского музея естественной истории, и всем желающим поработать с ними выдавались лишь гипсовые копии этого сокровища.

Нужно признать, что эоантроп был обнаружен как нельзя кстати – вот уже более пятидесяти лет прошло после опубликования «Происхождения видов», а промежуточное звено так и не было найдено, и уже второе поколение ученых-тотемистов продолжало обсуждать, *почему и как именно* оно отсутствует.

Пилтдаунский человек стал объектом самого широкого исследования антропологов. Не существовало ни одного музея, не посвятившего эоантропу специальной экспозиции, рассказывавшей посетителям, как наш предок выглядел, как жил, что ел-пил, над чем работал, какие имел достижения в труде и личной жизни. Сотни специалистов по всему миру, затаив дыхание, просиживали ночами над гипсовыми слепками его костей, составляя диссертации о том, как именно он происходил, сперва – из обезьяны, потом –

в человека, и почему, вопреки существовавшим ранее теориям, у эоантропа сперва развился человеческий мозг, а уже потом – все остальное.

Что же касается Тейяра де Шардена, его мало интересовали эти чисто технические частности. Он был представителем совершенно иной школы эволюционистов – «теистического эволюционализма». В рамках этого подхода он начал разрабатывать «новый» глобально-философский подход к эволюции, достигая в этом высот, не снисшихся ни Дарвину, ни Геккелю. Подобно тому, как некогда Энгельс приложил гегелевские законы диалектики к материалистической философии (чем окончательно запутал материалистов, ибо, если материя первична, почему она должна подчиняться законам развития идей?), де Шарден ринулся толковать, а затем и развивать в узкоматериалистическом смысле идеи Генри Бергсона, которым увлекался со студенческой скамьи. В итоге де Шарден (кстати сказать, дальний отпрыск Вольтера) объявил об открытии никем доселе невиданного и неслыханного, но, несмотря на это, – всеобщего закона: *закона усложнения*, подчиняясь которому, *преджизнь* (потрясающий эвфемизм, обозначающий неживую материю), имея *врожденную тенденцию к психическому давлению строительства* и подчиняясь *непреодолимому стремлению к высшему развитию*, сама по себе самоорганизуется в жизнь (чего, правда, наблюдать никому почему-то не довелось); живая же материя *безудержно* преобразуется в мыслящую, подвергаясь *церебрализации и цефализации* (под мыслящей материей подразумеваемся мы с вами). Но этим дело не кончается. Коллективный разум всех людей *неизбежно* должен слиться в единое целое, преобразовав уже существующую биосферу в *ноосферу* – сферу разума. Все человеческие культуры и религии, по мнению де Шардена, должны были слиться в единой *точке Омега*, которую автор отождествлял со Христом. Дарвиновская эволюция предполагалась тем самым механизмом, через который этот «закон» осуществляется. Самым же удивительным было то, что все эти концепции были представлены как *истинно христианское учение*.

На самом деле эта чисто пантеистическая идея не имела ничего общего ни с наукой (в природе повсеместно наблюдаются не слияние простых структур в сложные, а наоборот – распад, разложение, деградация, описываемые законами термодинамики), ни с Библией. Писание учит, что именно человеческий грех явился причиной появления смерти и страданий, но милостивый Бог послал в мир Своего Единородного Сына, умершего на Голгофском кресте, дабы искупить этот грех и дать всему творению возможность избавления от рабства тлена и спасение – каждому человеку (а не некой совокупной *мыслящей материи*). Однако де Шарден вслед за Дарвиным утверждал, что человек и появился-то лишь благодаря миллионам лет непрерывных страданий и смерти, сопровождавших борьбу за выживание. Оставляя же при этом место Богу, он подразумевал, что всеблагий Создатель сперва основал человечество на смерти и при этом объявил, что все творение *хорошо весьма*, а потом еще и обманул людей, представив в «своем откровении» совершенно иную картину. Упущено было

из виду и то, что Писание, предсказывая слияние всех культур и религий, говорит не о Христе, а о царстве антихриста.

Растерявшийся в изобилии «научных» данных о происхождении человека Ватикан, не найдя возражений де Шардену, пошел по пути простых решений: в 1926 году вольнодумного монаха отстранили от преподавания в Парижском католическом институте и запретили ему публиковать труды по философии и богословию. Но это лишь добавило популярности как идеям де Шардена, так и их автору, закрепив за ним образ страдальца, гонимого инквизиторами за истину. К концу сороковых годов не признавать себя потомком обезьяноподобного родового предка было равносильно отречению от причастности к роду *Homo sapiens*. Приходы пустели, Церковь, как без малого две тысячи лет назад, становилась объектом насмешек и нападок окружавшего ее языческого мира. По-видимому, на ситуацию также повлияли и некоторые другие факторы, когда в 1950 году Папа Пий XII был вынужден обнародовать буллу «*Humanis Generis*», гласившую: «Учение Церкви не запрещает эволюционному учению... быть предметом исследования специалистов... до тех пор, пока они производят исследования о происхождении человеческого тела из уже существующей живой материи, несмотря на то что католическая вера обязывает нас придерживаться взгляда, что души созданы непосредственно Богом».

Таким образом был официально провозглашен отказ от Библейского учения о происхождении смерти – истина вечного слова Божьего была принесена в жертву сиюминутным представлениям науки. Вскоре за Ватиканом по этому же пути последовал еще ряд либеральных конфессий. Победа поклонников обезьяночеловека была явной и бесспорной.

И вот тут-то, в самый неожиданный момент, случилось непредвиденное. То ли в музее не осталось никого из сотрудников, причастных к «открытию», то ли они сами уже настолько поверили в свое детище, что утратили бдительность, – так или иначе, в 1953 году заветные кости были извлечены из хранилища и переданы для анализа на фтор.

Результат оказался неожиданным, словно удар молнии в громоотвод Британского музея посреди безоблачного дня. Ставший за сорок лет столь привычным зоантроп оказался... *подделкой*. Хотя череп действительно был древним, челюсть оказалась почти современной – даже не совсем окаменевшей, зато искусно окрашенной – челюстью орангутана со «вставными» зубами. Более того, некоторые из «сопутствующих» окаменелостей оказались радиоактивными (о чем во время организации подлога даже нельзя было подозревать), и это говорило об их отнюдь не британском происхождении – именно таким составом радиоактивных веществ характеризовались находки северного Туниса.

Наступил всеобщий шок. Представители трех поколений экспертов-антропологов не смогли раскрыть подделку – они были просто одурачены! Сотни научных диссертаций во всех частях света были посвящены находке, оказавшейся всего лишь произведением хитрого злоумышленника.

Единственное неоспоримое свидетельство, на котором держалось все здание эволюционного антропогенеза, растаяло. Над антропологами нависла тень безработицы.

Ученые просто не решались задать себе самый важный вопрос: **Почему?** Как же так получилось, что практически все специалисты поголовно с такой легкостью, даже более того – с радостью поверили в этот обман? Уж не потому ли, что они уже до этого попали в зависимость от обмана еще большего? Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца (Рим. 1, 25), не потому ли и предал их Бог превратному уму (Рим. 1, 28)? Мало кто был готов услышать ответ на этот вопрос, а потому проблему перевели в другую плоскость: **Кто?** Кто этот негодяй, так подло обманывавший нас все эти годы?! Найти его! Подать его сюда! Призвать к ответу! (С. Головин. Эволюция мифа).

Мало кто не слышал об идее, согласно которой человеческий эмбрион проходит через стадии, на которых у него можно различить жабры и хвост. Это «рекапитуляционная теория» – кардинальное подтверждение эволюции. Этот биогенетический закон был выведен в 1866 году Э. Геккелем. По его поводу в ученом мире нечасто можно встретить признание, подобное следующему: «Редкое утверждение, подобное геккелевской «теории рекапитуляции», на первый взгляд безупречной и правдоподобной, широко принятое без критического изучения, наносило такой значительный вред науке» (Бир, Британский музей естественной истории).

До сего дня в школьных учебниках биологии можно встретить в качестве подтверждения эволюции обманную геккелевскую иллюстрацию с эмбрионами, для убедительности нередко раскрашенную красками. Авторы учебников, конечно, не упоминают о том, что эта теория была признана несостоятельной полувеком раньше.

Геккель выполнил общеизвестные иллюстрации, показывающие зародышей на нескольких стадиях развития. При этом он нещадно манипулировал фактами, изменяя некоторые рисунки для придания им большего сходства и подтверждения таким образом этой теории. И тем не менее, несмотря ни на что, со времени публикации дарвиновского «Происхождения видов» в 1859 году всегда наблюдалась упорная тенденция толковать естественные явления так, чтобы они подтверждали теорию эволюции.

* * *

Итак, подтверждения эволюции не существует: никто никогда не продемонстрировал ее в лабораторном эксперименте. И в наше время вполне современными оказываются слова римского императора Марка Аврелия: «Каковы твои обычные мысли, таков будет и характер твоего ума; душа окрашивается мыслями». Дарвиновская теория неоспорима для тех, кто жаждет «истины и свободы». Немецкий философ и библейский критик Штраус выразил чувства тех, кто был не способен отказаться от эволюционной точки зрения: «Тщетно мы, философы и теологические критики, вновь и вновь требовали искоренения чудес; наши бесполезные наставления исчезли, как дым, потому что мы не могли ни обойтись без чудесного действия, ни указать какой-то естественный источник. Эту силу, этот процесс природы продемонстрировал Дарвин; он отворил дверь, через которую человечество изгонит чудеса окончательно и бесповоротно».

Почва для Дарвина готовилась в течение жизни целого поколения несколькими путями, в том числе шестью изданиями «Основ» Лайеля. Споры вокруг лайелевской теории геологии стали хорошей рекламой и послужили подготовке умов к обращению в веру дарвиновской эволюции.

Существует свидетельство, что за некоторое время до публикации дарвиновского «Происхождения видов» были искусно подготовлены кадры сильных и влиятельных людей на роли «апостолов» новой веры. Первое издание «Происхождения видов» было опубликовано в 1859 году. Был сразу же продан весь тираж. Вероятно, что большинство экземпляров, если не весь тираж, было закуплено на аукционе агентом Лайеля за неделю или около того до официальной даты опубликования. Затем книги разослали бесплатно известным симпатизирующим лицам, занимавшим влиятельные посты. Эта практика была не внове, и два факта дают основание предположить, что именно так и обстояло дело с продвижением дарвиновской теории эволюции.

Первый факт документирован в биографии Филиппа Госса, опытного натуралиста и члена Королевского общества, который в 1850-е годы был очень популярным автором работ по естественной истории. В биографии говорится, что после одного из заседаний Королевского общества в 1857 году Госс имел беседу с неким Гукером, обратившимся к нему как к возможному кандидату для освещения тайн естественного отбора. Так было проведено ощупывание и задействование ядра влиятельных натуралистов, симпатизирующих идее изменчивости видов – иначе говоря, тех, у кого вызывают трудности такие вопросы, как сотворение и неизменность видов.

Второй факт известен из переписки натуралиста-любителя Чарльза Кингсли. Подозревая в нем симпатизирующего, Кингсли вручили экземпляр «Происхождения видов». Интересно, что письмо Кингсли с благодарностью Дарвину датировано 18 ноября 1859 года; автор книги должен был получить его за целую неделю до официальной даты публикации. Кингсли писал: «Я должен отказаться от многого, во что верил и о чем писал». Таким образом, первое издание «Происхождения видов» было благоразумно передано в сочувственные руки в верхних эшелонах государства и науки.

В описаниях науки XIX века наблюдается тенденция пренебрежения такими именами, как Майкл Фарадей, Джеймс Максвелл, Уильям Томсон, Кельвин, которые во время выхода в свет «Происхождения видов» уже были подлинными гигантами науки. Эти люди пользовались большим авторитетом среди ученых того времени, и ни один из них не принял теорию Дарвина. Но с течением времени, с быстрым заполнением умов эволюционной теорией осталась лишь небольшая оппозиция – наконец-то небольшая, о которой можно было бы открыто сказать в прессе. По мере того как газеты, журналы, крупные иллюстрированные издания занимали позицию теории эволюции, становилось все труднее публиковать статьи, написанные с противоположной точки зрения. В итоге те представители науки, которые по-прежнему возражали Дарвину, часто оказывались перед закрытой дверью редакции.

Эволюция в силу всеохватности делает невозможным ни доказательство, ни даже испытание с помощью научных методов. Сами эволюционисты отмечали: «Наша теория эволюции стала теорией, которую невозможно отвергнуть никакими возможными наблюдениями. Всякое мыслимое наблюдение может в нее вписаться. Никто не в силах изобрести способ для ее проверки. Идеи, либо лишенные основы, либо основанные на нескольких лабораторных экспериментах, проводившихся в крайне упрощенных системах, приобрели популярность, далеко не соответствующую уровню их ценности. Они стали частью эволюционного догмата, принятого большинством из нас как часть нашего образования» (Берч и Эрлих, 1967).

Один из самых авторитетных биологических эволюционистов нашего времени (Эрнст Мэйр) отметил: «Основная теория (эволюции) во многих случаях вряд ли может считаться больше чем постулатом, и ее применение порождает многочисленные вопросы почти в каждом конкретном случае». Если «доказательство», приведенное в прошлом, ложно, встает вопрос о том,

представлено ли впоследствии истинное доказательство, но утвердительно ответа пока еще нет. «Эволюция – это антизнание. Всю мою жизнь меня дурачили мифом о том, что эволюция – это истина», – заявил в 1981 г. один из ведущих палеонтологов Великобритании К. Пэттерсон.

* * *

Одним из главных архитекторов мирового гуманизма в этом столетии был биолог Джулиан Хаксли, внук Томаса Гексли. Будучи первым генеральным директором ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая стремится контролировать, если не управлять всем тем, что входит в сознание людей, Хаксли включил в свою программу следующую цель: «Общей философией ЮНЕСКО, как представляется, должен быть всемирный гуманизм, всеобъемлющий и эволюционный в своей основе. В широком смысле эволюция означает все исторические процессы изменения и развития, происходящие во вселенной. Ее можно разделить на три сектора: неорганический, или неживой, органический, или биологический, и социальный, или человеческий».

Во второй половине XIX века утверждалось, что человеческий разум непосредственно связан с размерами мозга, а следовательно, и с размерами головы. В 1860-е годы Ф. Гальтон, двоюродный брат Дарвина, приступил к количественной оценке человеческой природы.

Француз Альфред Бинэ принялся разрабатывать подход к количественной оценке интеллекта, основанный на самом интеллекте. Так в 1908 году родилась концепция коэффициента умственных способностей, широко известного в наши дни под названием «тест IQ». Нашлись энтузиасты, которые использовали исследование Бинэ как средство отсеивания тех, кто согласно тесту имеет отклонение от средней величины. И поскольку по-прежнему считалось, что интеллект изначально определяется расой, следовательно, общий интеллект нации можно улучшить путем исключения из генетического процесса тех, кто оказывается в нижней части десятибалльной шкалы. Результатом было то, что между 1907 и 1938 годами тридцать американских штатов приняли законы о стерилизации. Спустя полвека ситуация мало изменилась. Ныне законом разрешается аборт как метод контроля рождаемости, хотя, строго говоря, его следовало бы считать средством контроля смертности.

Свои идеи упорядоченного постепенного развития человеческой расы Гальтон основал непосредственно на дарвиновской эволюции. Согласно его аргументам, в силу великого принципа природы, состоящего в выживании

наиболее приспособленных, только такие люди и должны приходить в мир. Руководствуясь законами Гальтона, общество сможет контролировать эволюцию человека и даже вывести сверхрасу.

В 1918 году Э. Геккель стал членом тайной правой организации, которая играла ключевую роль в утверждении нацистского движения; в качестве гостей на ее собраниях присутствовали Рудольф Гесс и Гитлер.

Существует прочная связь между эволюционной теорией и целями германского фюрера. Исследователи книги Гитлера «Майн кампф» показывают, что Дарвин был основным источником представлений Гитлера о биологии, вероисповедании, силе и борьбе. Благодаря Дарвину Гитлер отвергал также нравственную обусловленность истории.

«Германский фюрер сознательно добивался соответствия германской практики теории эволюции» (Кейт, 1949).

В тридцатые годы были созданы учреждения, наподобие конных заводов, для выведения людей от нескольких тысяч отборных производителей. Гальтоновские «браки по расчету» стали реальностью.

Когда нацистская партия пришла к власти в 1933 году, а Гитлер был избран канцлером, были приняты не только рекомендации Геккеля о детоубийстве и эвтаназии, но практически весь перечень «загрязнителей расы». Всех этих людей обрекли на принудительную стерилизацию. Между 1927 и 1933 годами добровольно стерилизовались примерно восемьдесят пять человек в год. При нацистах принудительной стерилизации подверглись, по меньшей мере, два миллиона человек. А геккелевскую дозу «безболезненного и быстродействующего яда» исследовали и разрабатывали в лабораториях. Наиболее эффективным средством отравления на тот свет тысяч представителей «беспольной расы» признали газообразную синильную кислоту, которая стала производиться под маркой «Циклон Б» и продаваться нацистским концентрационным лагерям. Этого газа было произведено в количестве, способном убить 200 миллионов человек, что более чем в тридцать раз превышает фактическое число уничтоженных.

Фашизм стоит в одном ряду с биологическим детерминизмом и отстаивает идею неравной борьбы, в результате которой будут править лишь изначально приспособленные. Марксизм изменяет социальный прогресс этапами революции и в то же время парадоксально проповедует мир и равенство. Иллюзий быть не должно: Гитлер широко заимствовал идеи Маркса. В результате и фашизм, и марксизм пришли к одному и тому же – тоталитарному правлению элиты.

Одной из черт гуманизма является его безнравственность. Считается, что в ходе эволюции из животных человек прошел путь от безнравственного к нравственному, что этика тоже эволюционировала в сторону усложнения. Однако в действительности мы видим обратное: поскольку Бога нет, то нравственные принципы могут быть изменены для приведения в соответствие с ситуацией. Свободный от метафизических пут гуманист верит в то, что человек свободен, чтобы стать хозяином собственной судьбы. «Центральной заботой для гуманизма всегда является счастье человека в этом мире, а не в какой-то фантастической, призрачной стране за порогом могилы; счастье самоценно и не подчиняется и не зависит от Высшего Божества» (Ламонт, 1977). Другой гуманистический автор прямо связывает идеи Дарвина с безнравственностью гуманизма: «Открытие Дарвином принципа эволюции прозвучало погребальным звоном по религиозным и нравственным ценностям» (Чола, 1964).

Поэтому неудивительно, что гуманистическое движение всегда считало жизненно важным «освобождение» человека от кодексов, ограничивающих сексуальное поведение. Например, в Швеции законы, запрещающие кровосмешение, стали менее суровы, что позволило нарушать пятую заповедь, а наши средства массовой информации подстрекают к нарушению и седьмой. В течение последних нескольких лет либеральные педагоги объединили усилия на включении сексуального образования в школьную систему.

Конечной целью гуманизма является мировое социалистическое правительство – разумеется, с гуманистической элитой у руля. Гуманистический идеал включает полномасштабную национализацию промышленности и растворение национальной сущности при подчинении каждого правительства суперправительству. Лишь недавно был опубликован документ, выражающий это с предельной ясностью и излагающий принципы деятельности ЮНЕСКО.

Заявленная Хаксли политическая концепция этой организации завершается выводом: «Объединение традиций в единый общий фонд опыта, информации и целей является обязательным требованием, необходимым для дальнейшего крупного прогресса эволюции человека. Соответственно, если для окончательного достижения этой стадии потребуется политическое объединение в виде какого-то всемирного правительства, то объединение в сфере менталитета не только необходимо, но и способно вымостить дорогу к объединению в других аспектах».

Одним из первых примеров стремления к искоренению всякой идеи национального суверенитета является следующее утверждение в публикации ЮНЕСКО «В классе с детьми младше тринадцати лет»: «Пока ребенок дышит воздухом национализма, образование в духе всемирного менталитета может дать лишь сомнительные результаты. Именно семья заражает ребенка крайним национализмом. Поэтому школа должна использовать все средства для преодоления семейных установок».

Наконец, мы должны вспомнить о том, как формирует наши мысли и мнения информация, получаемая из журналов, газет, радио и телевидения. Традиционно существует система оценки и проверки. В течение последних нескольких десятилетий средства массовой информации пришли к единой точке зрения – к гуманизму. Действует цензура, жестоко урезывается все, что не поддерживает либо теорию эволюции, либо социалистические идеалы. В Гуманистическом манифесте сказано: «Мы должны расширить системы связи и транспорта за пределы наших границ... Мир должен быть открыт для различных политических, идеологических и нравственных точек зрения, он должен выработать всемирную систему телевидения и радио для информации и образования». В 1980 году генеральная конференция ЮНЕСКО в Белграде приняла резолюцию о принципах нового мирового порядка в информации и связи.

Гуманисты могут быть римскими католиками или протестантами, иудеями или буддистами. В политике гуманисты могут быть либералами или консерваторами, республиканцами или демократами. Важно знать убеждения кандидатов на политические посты, поскольку жизненно необходимой частью стратегии в отношении руководства является обеспечение такого положения, когда независимо от партийной принадлежности каждый ключевой пост занимает гуманист, преданность которого идеям гуманизма не вызывает сомнений, в результате чего достижение гуманистической цели приобретает внешность демократического процесса.